DOI:

[10.12737/19764](https://doi.org/10.12737/19764)

Document Version

Final published version

[Link to publication record in Manchester Research Explorer](#)

Citation for published version (APA):

Smirnova, M., & Thornhill, C. (2016). . , 4(6), 40-48. <https://doi.org/10.12737/19764>

Published in:

Citing this paper

Please note that where the full-text provided on Manchester Research Explorer is the Author Accepted Manuscript or Proof version this may differ from the final Published version. If citing, it is advised that you check and use the publisher's definitive version.

General rights

Copyright and moral rights for the publications made accessible in the Research Explorer are retained by the authors and/or other copyright owners and it is a condition of accessing publications that users recognise and abide by the legal requirements associated with these rights.

Takedown policy

If you believe that this document breaches copyright please refer to the University of Manchester's Takedown Procedures [<http://man.ac.uk/04Y6Bo>] or contact uml.scholarlycommunications@manchester.ac.uk providing relevant details, so we can investigate your claim.

уровень муниципального района без учета фактического перераспределения вопросов местного значения. Подобная ситуация противоречит целям принятия Федерального закона № 136-ФЗ, направленным на обеспечение финансовой стабильности сельских поселений, учитывая специфику и особенности обеспечения жизнедеятельности населения на указанных территориях.

В первоначальной редакции Закона № 131-ФЗ вопросы местного значения представляли собой закрытый перечень, что гарантировало разграничение сферы муни-

ципальной деятельности от сферы деятельности органов государственной власти. Это предполагало следующее: все, что не отнесено Законом к вопросам местного значения, относится к сфере деятельности органов государственной власти и не может обеспечиваться средствами местного бюджета. С принятием Федерального закона № 136-ФЗ данный принцип был нарушен, как и принцип иерархии юридических актов, поскольку вопросы местного значения теперь устанавливаются не только федеральным законом, но и законом субъекта РФ.

Библиографический список

Бабичев В. И. Новый этап муниципального строительства: возможности и риски // Местное право. 2014. № 3.

Газета «Местное самоуправление». 2014. № 5.

Ежукова О. А. Современный законодательный подход к правовому регулированию компетенции органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3.

Информационный бюллетень местного самоуправления. 2015. № 20.

Лафитский В. И. Конституционный строй США. М., 2007.

Партия—Совет—Комитет—Регионы. Семинар-совещание с председателями законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Местное самоуправление. 2014. № 5.

Роль судов и международного права в процессе вторичной конституционализации в России*

СМИРНОВА Мария Владимировна, научный сотрудник юридического факультета Университета Манчестера, кандидат юридических наук, LL.M (Университет Эксетера)

M13 9PL, Великобритания, г. Манчестер, Оксфорд Роуд

E-mail: maria.smirnova@manchester.ac.uk

ТОРНХИЛЛ Кристофер, профессор административного и публичного права юридического факультета Университета Манчестера

M13 9PL, Великобритания, г. Манчестер, Оксфорд Роуд

E-mail: chris.thornhill@manchester.ac.uk

Статья подготовлена в рамках проекта «Социология транснациональной конституции», реализуемого в Университете Манчестера под руководством профессора Кристофера Торнхилла. Данный проект представляет собой сравнительное исследование законодательства,

* Настоящая статья подготовлена в рамках проекта, финансируемого Европейским исследовательским советом, грант № 323656—STC. Статья была представлена на Секции 2 «Конституционные реформы: векторы демократического развития» V Международного конгресса сравнительного правоведения «Конституционные реформы XXI века: новые горизонты» (г. Москва, 1—2 декабря 2015 г.).

судебной практики, социальных явлений с целью определения влияния международного права на продолжающийся процесс конституционного строительства в различных странах мира и, в частности, в России. Обширный эмпирический материал, собранный в ходе работы над проектом, позволяет сформулировать три основные гипотезы, которые рассматриваются в данной статье. Во-первых, в России необычайно высок уровень правовой ответственности государства перед гражданами по сравнению с политической ответственностью. Во-вторых, в России существует четкое понимание того, что успешное государственное строительство зависит от эффективности работы судов, и в определенной степени судебная власть из объекта конституционных преобразований превращается в их субъект, двигатель. В-третьих, целенаправленное и стратегическое использование международного права играет ключевую роль во всех элементах процесса вторичной конституционализации, т. е. не только в части реализации конституционной гарантии защиты прав человека, но и в конструировании необходимых для этого институтов.

Ключевые слова: вторичная конституционализация, международное право и правовая система России, государственное строительство, судебная власть, судебная система, правовая (юридическая) ответственность государства, политическая ответственность государства, подотчетность.

The Role of the Judiciary and International Law in the Process of Secondary Constitutionalization in Russia

M. V. SMIRNOVA, candidate of legal sciences, LLM
The University of Manchester
Oxford Road, Manchester, Great Britain, M13 9PL
E-mail: maria.smirnova@manchester.ac.uk

Ch. THORNHILL, professor
The University of Manchester
Oxford Road, Manchester, Great Britain, M13 9PL
E-mail: chris.thornhill@manchester.ac.uk

This article is part of the project "Sociology of the Transnational Constitution", carried out at the University of Manchester under the supervision of Professor Christopher Thornhill. This project is a comparative study of the legislation, case law, social phenomena with the aim to determine the effect of international law in the ongoing process of constitution-building in various countries and, particularly, in Russia. Extensive empirical data collected during the course of the project, results in the formulation of the following three main hypotheses that are discussed in the paper. First, legal accountability of the state to the citizens in Russia is asymmetrically high in comparison with political accountability. Second, there is a clear understanding in Russia that the successful state building depends on the efficiency of the judiciary; to a certain extent, the judiciary becomes the subject, or the main driver of constitutional reforms rather than being their object. Third, targeted and strategic use of international law plays a key role in all elements of the process of secondary constitutionalization, that is, not only in implementation of the constitutional guarantee of human rights protection, but also in the construction of the necessary institutions.

Keywords: secondary constitutionalization, international law and the Russian legal system, international law and domestic legal systems, state-building, court system, the judiciary, legal accountability, political accountability.

DOI: 10.12737/19764

В мире нет абсолютных демократий, и Россия, как любая другая страна, находится в определенной точке спектра между авторитаризмом и демократическим правовым государством. При этом, несмотря

на наличие определенных практических преимуществ в выборе демократии как доминирующего политического режима, это вовсе не предполагает наличие некоей идеальной модели, подходящей для всех. Бо-

лее того, столь свойственный многим исследованиям линейный подход в определении векторов демократического развития зачастую становится препятствием для более широкого анализа правовых и политических явлений.

Достижения России на пути строительства демократического правового государства за последние 20 лет очевидны, достаточно вспомнить полный развал всех государственных институтов в 1990-е гг. Идеал развития, заложенный на начальном этапе в Конституции на основе фундаментальных норм и принципов международного права, продолжает выполнять программно-целевую функцию¹. Вместе с тем уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что специфичное применение правовых институтов в России в процессе вторичной конституционализации привело к формированию уникального типа демократии, три из основных характеристик которого представлены в данной статье.

Асимметричное соотношение правовой и политической ответственности государства перед гражданами. В России необычайно высок уровень правовой ответственности государства перед гражданами по сравнению с политической ответственностью. Классическое понимание демократии требует сбалансированного сочетания правовой и политической ответственности государства перед народом. В английском языке используется термин «accountability», но его перевод как «подотчетность» недостаточно ясно отображает инструментальность этого явления, в содержание которого входит набор политических или правовых средств коммуникации и методов воздействия на государство со стороны общества, человека. Разделение на политическую и юридическую ответственность здесь

тоже не совсем уместно, поскольку российская доктрина рассматривает эти два понятия довольно узко: как *политическую ответственность* правительства и его членов перед парламентом или главой государства и их *юридическую ответственность* за правонарушения. Отсюда следует, что научное обоснование этого термина при его употреблении в русскоязычной литературе требует дополнительной теоретической проработки².

Как правило, в классической теории демократии политическая ответственность выше правовой, т. е. граждане в демократическом государстве свободны в использовании средств политического воздействия на органы государственной власти и должностных лиц, чьей деятельностью они недовольны, а правовые средства остаются на крайний случай. Однако в России, как нам видится, в процессе вторичной конституционализации, т. е. создания фактической конституции путем воплощения, расширения и превращения в социальные и правовые практики норм письменной конституции, право было использовано таким образом, что баланс между правовыми и политическими средствами воздействия превратился в асимметричную конструкцию, где правовые средства преобладают и являются более эффективными.

Нет нужды упоминать довольно ограниченный доступ граждан к механизмам политического участия в России. Исследователи отмечают неформальное сращивание домини-

¹ См.: Комарова В. В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). М., 2014. С. 5.

² Попытка классифицировать подходы к определению этого термина предпринята Д. К. Княгининым (см.: Княгинин Д. К. Подотчетность как институт конституционного права: зарубежная доктрина и российский опыт // Влияние международного права на национальное законодательство: матер. заседания Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (г. Москва, 24—26 мая 2007 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2007. С. 188—195).

рующей политической партии с президентом и правительством, которое Д. А. Медведев неслучайно в одном из выступлений назвал «партийным правительством»³. К тому же оппозиция, которая призвана осуществлять систематический политический контроль за действиями исполнительной власти, хотя и существует на определенных системных уровнях, тем не менее имеет весьма низкую институционализацию в существующей политической системе.

В отсутствие адекватного способа для выражения своих политических мнений, который привел бы к желаемым переменам, гражданам ничего не остается, кроме как разрешать возникающее недовольство действиями и решениями органов управления с помощью правовых мер, в частности, судебной системы. Такой выбор не только возможен, но и всячески поощряется, как показывают следующие цифры.

Во-первых, продуктивность судебной системы постоянно растет. За последние 10 лет число рассмотренных гражданских дел и дел, возникающих из публично-правовых отношений, возросло почти в три раза. Если в 2004 г. Всероссийский конгресс судей отчитался о рассмотрении 5 млн дел в год⁴, то к 2007 г. эта цифра возросла до 9 млн, а к 2014 г. превысила 12 млн дел в год по данным Судебного департамента⁵. При этом количество дел, возникающих

из публично-правовых отношений (наиболее близкая категория к *anti-government litigation* в английской терминологии), сравнительно велико: в последние годы число рассмотренных дел этой категории достигло, в среднем, 300 тыс. в год. Решения в пользу заявителя по данной категории дел принимаются в 84—91% случаев⁶.

Во-вторых, правовая ответственность государства перед гражданами проявляется в количестве нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления, признанных судами не соответствующими федеральному законодательству. В среднем за последние 12 лет эта цифра составляет порядка 2700 актов в год, а в пиковые 2007—2008 гг. достигала 6000.

Такая доступность и эффективность процедур судебного контроля — достаточно редкое явление. В Великобритании, например, очень сложно и дорого оспорить нормативный правовой акт правительства (не говоря уже об акте парламента). Стоимость подготовки и подачи заявления составит около 10 тыс. фунтов стерлингов (по сравнению с госпошлиной 300 руб. (приблизительно три фунта) в России). Высокая стоимость и процедурная сложность практически исключают успех, если только за заявителем не стоит влиятельная общественная организация. В противовес вышесказанному, каждый избиратель имеет прямой доступ к депутату от своего округа в парламенте.

Наконец, ярким индикатором соотношения между использованием гражданами правовых и политических средств воздействия на государственную политику является число заявлений, поданных в суд гражданами о признании незаконными действий и бездействия органов государственной власти и местного самоуправления. В тече-

³ См.: Кулагин И. Ловушка для партийного правительства // Правда.ру. 2013. 8 апр. URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/unity/08-04-2013/1151526-partpravitelstvo-0/> (дата обращения: 02.12.2015).

⁴ См. постановление VI Всероссийского съезда судей 2 декабря 2004 г. URL: <http://www.ssrf.ru/page/830/detail/> (дата обращения: 02.12.2015).

⁵ Здесь и далее использованы официальные данные судебной статистики, опубликованные в открытом доступе на сайте Судебного департамента Верховного Суда РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 02.12.2015).

⁶ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 02.12.2015).

ние периода экономического роста и относительной политической стабильности (2002—2006 гг.) число дел постепенно уменьшалось и снизилось до 42 тыс. в 2006 г. Затем последовал период роста и пик — 145 тыс. дел пришелся на 2011 г., когда, как известно, были проведены самые массовые политические протесты со времен 1990-х гг.

Особенно важно, что при высокой успешности дел против органов государственной власти поощрение решения индивидуальных проблем через суд, а не через публичный протест является одним из приоритетов государственной политики. Приведем несколько примеров такого поощрения.

Концепция судебной реформы в РСФСР⁷ еще в 1991 г. признала необходимость «максимально приблизить суд к населению, чтобы облегчить доступ граждан к правосудию». Позже, в 1998 г., была учреждена служба судебных приставов⁸, а активное освещение в СМИ их успехов по исполнению судебных решений преследовало цель убедить граждан в эффективности правосудия. Повышение доступности судов всегда было одним из приоритетов федеральных целевых программ развития судебной системы 2001⁹, 2006¹⁰, 2012 гг.¹¹ Эта задача достигалась путем последовательного обеспечения информационной открытости, онлайн-доступности ин-

формации о судебной системе, физической открытости судебных заседаний для СМИ и граждан.

Принятие Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» привело, например, к тому, что число судебных решений, принятых судами общей юрисдикции, за период с 2008 по 2011 г. возросло в 42 раза¹². Наконец, принятие в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства было направлено на реализацию конституционной гарантии доступа к правосудию, особенно в части оспаривания неправомерных действий и актов органов государственной власти и местного самоуправления¹³.

Возникает вопрос: зачем государство продолжает поощрять и без того растущее число «пользователей» судебной системы, если процент решений, принимаемых судами в пользу граждан и, соответственно, против государства, стабильно высок?

Судебная система как двигатель конституционных преобразований. В России существует четкое понимание того, что успешное государственное строительство зависит от эффективности работы судов. В опре-

¹² С 5500 решений в 2008 г. до 211 000 решений в 2011 г.

¹³ См. пояснительную записку к проекту Кодекса административного судопроизводства РФ, проектам федеральных законов «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» и к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=246960-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=246960-6).

⁷ Утв. Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г.

⁸ См. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах».

⁹ См. постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2002—2006 годы».

¹⁰ См. постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2007—2012 годы».

¹¹ См. постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы”».

деленной степени судебная власть из объекта превращается в субъект, двигатель конституционных преобразований. Конституционализация не прекращается с принятием текста Конституции. Скорее наоборот. Как еще, если не через суды — самый массовый оператор взаимодействия между государственными институтами и обществом — интегрировать конституционную реформу в российскую реальность? Для выполнения этой задачи нужен по-настоящему независимый суд. Несмотря на то что сильный суд — это большой риск, он окупается повышением доверия к государственной власти и, как следствие, повышением законопослушания граждан.

Этот процесс самовозобновляемый: чем больше реальной независимости у судов, тем больше им доверяют и используют для разрешения конфликтов, тем эффективнее они выполняют задачи государственного управления, а именно: 1) предоставляют правдивую и объективную информацию о деятельности органов государственной власти субъектов Федерации, что ведет к укреплению федеративных связей; 2) создают прямой коммуникационный канал между государством и обществом, что ведет к повышению взаимного доверия и, как результат, к законопослушанию граждан.

Наше исследование показывает, что в наибольшей степени подлинная независимость судебной власти проявляется в таких решениях судов, в которых они тем или иным способом подменяют собой политические решения органов исполнительной власти. В. Д. Зорькин, говоря об «огромном влиянии Конституционного Суда на политику», определил политические решения как «решения органов публичной, т. е. политической, власти, а также борьбу различных партий и групп за власть и за принятие тех или иных властных решений»¹⁴.

¹⁴ Зорькин В. Право — для человека // Российская газета. 2008. 25 нояб.

Традиционно к исключительной компетенции исполнительной власти относятся такие сферы государственной политики, как миграция, налогообложение, распределение бюджетных средств. Ниже приведены примеры вовлечения российских судов в каждую из этих сфер.

1. Российским судам удалось изменить не только правоприменительную практику, но и законодательство о назначении наказания в виде административного выдворения для иностранных граждан, нарушивших режим пребывания в стране. Практика по этим делам была неоднородна, пока в 2013 г. Верховный Суд РФ не обязал все нижестоящие суды при рассмотрении данной категории дел применять ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод под угрозой отмены решений в порядке апелляции или надзора¹⁵. В результате данного вмешательства судебной системы в миграционную политику решения о выдворении перестали назначаться судами для лиц, имеющих достаточно крепкие семейные связи в России, особенно несовершеннолетних детей¹⁶, ВИЧ-инфицированных без гарантий получения медицинской помощи соответствующего качества на родине¹⁷, или по прочим гуманитарным соображениям (отмена в 2014 г. выдворения украинского трудового мигранта, не продлившего разрешение на работу, в регионы боевых действий на востоке Украины)¹⁸. Законопроект о закреплении данного принципа вне-

¹⁵ См. п. 23¹ постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2005 г. № 5.

¹⁶ См. определение ВС РФ от 7 ноября 2014 г. № 18-АД14-58; определение Абинского районного суда Краснодарского края от 11 апреля 2014 г. № 5-116/14.

¹⁷ См. постановление КС РФ от 12 марта 2015 г. № 4-П; определение КС РФ от 12 мая 2006 г. № 155-О.

¹⁸ См. решение Московского областного суда № 1888/14.

сен в Госдуму в начале 2015 г. и уже прошел первое чтение¹⁹.

2. Отсутствие бюджетных средств все реже признается судами в качестве правомерного обоснования невыполнения субъектами РФ и муниципалитетами обязательств по предоставлению мест в детских садах и школах²⁰, оказанию мер социальной поддержки²¹ или медицинскому обслуживанию инвалидов²².

3. В практике Конституционного Суда РФ нам удалось найти ряд решений о признании неконституционности положений Налогового кодекса РФ о двойном налогообложении страховых и пенсионных выплат, об оспаривании ненормативных актов Федеральной налоговой службы, о защите прав предпринимателей при проверках и др.

Наконец, последний аргумент в пользу осознания государством важности реальной независимости судов — постоянная борьба на уровне государственной политики с гипертрофическим образом коррупции в судах. Понимая, что этот образ сильно преувеличен, В. В. Путин призвал СМИ помочь с его искоренением²³,

а Д. А. Медведев попросил правозащитников «воздержаться от необоснованной критики» судебной системы²⁴.

Действительно, мало из тех, кто готов поверить в тотальную коррупцию судебной системы, сталкивался с ней лично. Интересное исследование было проведено в Нижнем Новгороде в 2008 г. Только 13% опрошенных, уверенных в коррупции судов, были в суде хотя бы один раз в жизни, из них 56% удовлетворены результатом. И только 1% опрошенных признались, что давали взятку судье, причем через посредника²⁵.

Известно, что массовая антикоррупционная кампания была развернута в 2006 г., после ратификации Россией Конвенции ООН против коррупции²⁶, за которой последовали не только законодательные²⁷, но и организационные, институциональные и информационные меры. Ю. А. Тихомиров отметил высокую роль Конвенции в обновлении всех отраслей законодательства²⁸. Но это лишь один из

¹⁹ См. законопроект № 709323-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 59 Федерального закона “О наркотических средствах и психотропных веществах” (в целях исключения безальтернативного применения административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в качестве их дополнительного административного наказания)».

²⁰ См. апелляционное определение Волгоградского областного суда от 26 марта 2014 г. № 33-3271/2014.

²¹ См. апелляционное определение Пермского краевого суда от 19 мая 2014 г. № 33-4187.

²² См. апелляционное определение Саратовского областного суда от 5 июня 2014 г. № 33-2866.

²³ См.: Путин призвал СМИ помочь в борьбе с коррупцией // Взгляд.ру. 2012. 23 янв. URL: <http://www.vz.ru/news/2012/1/23/555802.html> (дата обращения: 02.12.2015).

²⁴ См.: Президент и правозащитники // Известия. 2010. 24 мая. URL: <http://izvestia.ru/news/361978> (дата обращения: 02.12.2015).

²⁵ См.: Нижегородцы в большинстве своем верят в справедливые суды, хотя многие знакомы с ними только по телевизору. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=9872> (дата обращения: 02.12.2015).

²⁶ См. Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ.

²⁷ См., например, федеральные законы от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”».

²⁸ См.: Тихомиров Ю. А. Современное публичное право. М., 2008. С. 441.

многочисленных примеров того, как международное право влияет на повышение правовой ответственности государства перед обществом и на процесс государственного строительства в целом.

Ключевая роль международного права в реализации конституционных преобразований. Целенаправленное и стратегическое использование международного права в процессе обновления российского законодательства и судебной практики играет ключевую роль в воплощении Конституции в реальность не только в части реализации конституционной гарантии защиты прав человека, но и в конструировании необходимых для этого институтов. Можно утверждать, что происходящие сейчас дискуссии относительно пересмотра роли решений международных судов в российской правовой системе²⁹ не могут ни остановить, ни обратить начатый в 1998 г. процесс повышения открытости российской правовой системы международному праву, который приобрел собственную динамику и является самовозобновляемым.

Такое влияние в российской доктрине не отрицается, и Ю. А. Тихомиров признал, что развитие и укрепление демократических институтов (административной юстиции, суда присяжных, местного самоуправления) является одним из основных институциональных эф-

фектов применения международного права³⁰. Эта тема достаточно разработана в российской литературе, поэтому целесообразно привести только два тезиса, демонстрирующих связь данной гипотезы с предыдущими двумя:

1) международное право обеспечивает единство правовой системы и ее последовательную трансформацию за счет отсылки к внешним ценностям и принципам, имеющим конституционный иерархический приоритет, и за счет восполнения правовых пробелов при наличии соответствующего социального запроса;

2) международное право играет важную роль как в оздоровлении горизонтальных — межинституциональных — связей, так и в укреплении федерализма, поскольку используется при разрешении вертикальных конфликтов между Федерацией и субъектами.

Итак, с функциональной точки зрения российская фактическая конституция отличается от ее текста и имеет собственную динамику развития.

Отличительной особенностью российской конституционной реальности является асимметрично высокий уровень использования правовых, а не политических каналов коммуникации между государством и обществом. В связи с этим российскую политическую систему можно классифицировать как асимметричную с тяготением в сторону правовой ответственности в ущерб политическому участию, но ее никак нельзя назвать авторитарной.

²⁹ Включая многочисленные дискуссии в СМИ, а также постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П и Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”».

³⁰ См.: Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004. С. 84—85.

Библиографический список

Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004.

Зорькин В. Право — для человека // Российская газета. 2008. 25 нояб.

Княгинин Д. К. Подотчетность как институт конституционного права: зарубежная доктрина и российский опыт // Влияние международного права на национальное законода-

тельство: матер. заседания Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (г. Москва, 24—26 мая 2007 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2007.

Комарова В. В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). М., 2014.

Кулагин И. Ловушка для партийного правительства // Правда.ру. 2013. 8 апр. URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/unity/08-04-2013/1151526-partpravitelstvo-0/> (дата обращения: 02.12.2015).

Нижегородцы в большинстве своем верят в справедливые суды, хотя многие знакомы с ними только по телевизору. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=9872> (дата обращения: 02.12.2015).

Президент и правозащитники // Известия. 2010. 24 мая. URL: <http://izvestia.ru/news/361978> (дата обращения: 02.12.2015).

Путин призвал СМИ помочь в борьбе с коррупцией // Взгляд.ру. 2012. 23 янв. URL: <http://www.vz.ru/news/2012/1/23/555802.html> (дата обращения: 02.12.2015).

Тихомиров Ю. А. Современное публичное право. М., 2008.